

Вы профессиональный актер, насколько мне известно. Скажите, что заставило вас в 93-м году развернуться на 180 градусов и, оставив сцену, заняться ТВ? Это что: проявление несостоятельности в профессии или желание изменить свою жизнь?

— А я в 93-м ушел?

— Прежде чем прийти сюда, я рылась в вашем досье...

— Да? Мне казалось, это произошло раньше. Я проработал семь лет в Ленинградском театре миниатюр, который сменил много названий и стал "Сатириконе" Райкина. И потом, году в 87-м, я ушел... Одно из двух: либо я изжил себя как драматический актер, либо профессия изжила меня. Я человек бесконфликтный в принципе, но какая-то внутренняя независимость во мне сидит. А актерская профессия — она страшно зависимая. От режиссера, от художественного руководителя и так далее. И я понял, что я так больше не могу. И ушел из театра. С трудом, мучительно, конечно. Возможно, это совпало с моими качественно-возрастными изменениями — кончилась эпоха инфантилизма. Я же существовал в рафинированных условиях и с детства не понимал, что можно заниматься чем-то еще, кроме актерской профессии. Вот говорят: дети актеров идут по стопам родителей по благу. Конечно, по благу, а как же еще? Хотя у шахтеров и сталеваров это называется династией. Но у меня просто не было другого выбора: все друзья, знакомые, знакомые родителей — все были актерами. Для меня были дядя Андрей (Мионов), дядя Зяма (Гердт), Казаков, Захаров — я провел детство в их кругу. Я только потом, классе в шестом, посмотрев "Бриллиантовую руку", понял, что дядя Андрей, оказывается, актер! Поэтому выбор профессии переду мной не стоял: я вырос в театре, я жил за кулисами, я общался в этой среде. Это было такое бессмысленное инфантильное существование, которое закончилось после семи лет работы в театре. Я оглянулся и подумал: я самостоятельный человек и должен быть независимым. И ушел из театра. Какое-то время метался и искал себя, даже пытался заниматься кинопродюсированием. Что продюсировал? Например, "Русский регтайм" Сергея Урсюляка, с которым я учился на одном курсе. Сергей, правда, доучился до конца, а меня выгнали из-за шумевшей истории с флагами. По мотивам этой истории Урсюляк, кстати, и снял "Русский регтайм".

— Что это за шумевшая история?

— Эта история... С тех пор прошло — страшно сказать

— 20 лет. Это был 77-й год. Страна отмечала

60-летие Советской

власти. Я был с

друзьями, мы где-то

слегка выпили.

Шли по улице, ве-

селое состояние,

сняли флаги с

дома — тогда

везде были раз-

вешаны флаги,

и шли с эти-

ми флагами... Я

опущу все нюан-

сы с погонями и

стрельбой — в

тот день это со-

бытие стало пер-

вым антисовет-

ским актом, зафи-

ксированным на

территории СССР.

— Об этом писали в

газетах?

— В наших — нет. У нас

тогда о таких вещах не

писали. Но об этом на

следующий день говорили

"Голос Америки", Би-би-си и так

далее. Нам грозило от двух до

семи лет за порчу Флага Советско-

го Союза.

— И что, был суд?

— До суда дело не дошло. Потому что

нам попался совершенно удивительный

следователь. Когда он увидел молодых

идиотов, которые только и могли сказать:

"Да мы, да это, да простите нас..."

он все прекрасно понял. И он не возбудил

уголовное дело. Он расценил это как

мелкое хулиганство. Мы тогда

заплатили штраф по 30 рублей.

По-моему, после закрытия дела он

быстро полетел со своего места. Но в

моей памяти

Между прочим, он способен вызвать чувство умиления. Но! Но только у телезрителей, которые по субботам включают "Дог-шоу" и смотрят на ползающих за своими любимцами на карачках дяденек-тетенок — ну какие еще чувства может вызвать человек, ведущий подобную программу? Хотя сам он умиляться не способен — ни на съемках, ни в жизни.

Вообще, судя по всему, человек он сдержанный, решительный и ироничный. Хорошая жизненная школа, которую он прошел, несмотря на известного папу, ботемное окружение и все атрибуты "звездного дитяти", — так вот, хорошая жизненная школа сделала свое дело.

Когда же это началось?

Наверное, когда "ра-

финированный маль-

чик" Михаил ШИР-

ВИНДТ совершил анти-

советский акт со срыва-

нием красных знамен,

о котором трубили все

западные голоса и ко-

торый стал сюжетом

для фильма Урсюляка

"Русский регтайм".

ЧЕЛОВЕК-РЕСТАВМ

несовместимый со званием студента". Но я ни о чем не жалею, кроме как о седых волосах родителей.

— Однако вы все равно умудрились стать актером!

— Я стал работать монтировщиком декораций в "Современнике". Благодаря чему потом я и оказался в "Сатириконе", потому что подружился с Костей Райкиным. Через два года после того происшествия я восстановился в институте, закончил его, и Костя меня позвал в театр. Но за эти два года у меня прошла интереснейшая жизнь, эпоха, я могу о ней рассказывать часами. Режим был чудовищный: с семи утра и до полдвенадцатого ночи. Каждый день. Без выходных. Когда я первый раз пришел на работу, увидел сидящих на стульях ребят, которые сказали мне: "Садись, спи! Времени — вагон, минут 20!" Я только потом понял, что можно спать стоя или сидя. Кончилось это, конечно, язвой. И я ушел в сядящий режим, на работу в Москонцерт — монтировщиком декораций и радистом. Тогда с "Самоцветами" я объездил много стран-городов. Таскал пыльные колонки и кофры в полторы тонны; у меня была альтернатива — нянчить в номере гостиницы маленьких Диму Маликова и Володю Преснякова. Я пару раз попробовал и понял, что лучше таскать аппаратуру.

— Как ваши родители отнеслись к тому, что ребенок заработал себе язву, таскал тяжелые кофры в полторы тонны, мотался по гостиницам, не высыпался?

— Первые три года после истории с флагами родители вообще не могли в себя прийти. Поэтому ничего не обсуждалось. Родители здесь были ни при чем: сам виноват, сам дурак.

— Работая в театре, вы не испытывали комплекс из-за фамилии или из-за того, что профессионально вы, может быть, проигрываете своему отцу?

— Фамилия? Конечно, подобные комплексы испытывает большинство детей известных родителей. Все разговоры, например о благе, действуют на неоформившуюся психику очень сильно. Но, с другой стороны, это самый коварный момент. Можно по благу поступить в институт, можно по благу его закончить, можно по благу попасть в хороший театр и получить роль. И все. Потому что никакой благи не поможет тебе сыграть роль. А спохватиться можно слишком поздно. У меня сложилось немножко по-другому, просто я сам в какой-то момент понял: это не мое, не хочу я этим заниматься.

— И вы занялись ТВ. "Лотто Миллион", потом создание студии "Весы", съемки скандального фильма "Советский Союз, который мы потеряли", потом создание собственной телекомпании "Живые новости", передача "Дог-шоу"...

— Для меня главное — творческий процесс. Потому что одна только аббревиатура НДС заставляет меня становиться полным идиотом... Вы знаете, вы сразили меня наповал тем, что рылись в моем досье. Журналисты обычно позволяют себе приходиться на интервью совершенно неподготовленными. И тут вдруг вы знаете, в каком году я пришел на ТВ...

— Я еще знаю, что вы любите пироги с капустой, что из алкоголя предпочитаете водку, что в последнее время перешли на сигареты "Парламент", что живете в трехкомнатной квартире и имеете дочку, что у вас есть сын от первого брака и дочь от второго, что помимо собаки у вас дома живут три зеленые черепахи и что ваш девиз — "Могло быть и хуже!"

Пауза. Михаил пережевывает то, что я на него вывалила. Улыбаясь, закуривает.

— Скажите, вот вы производите впечатление такого солидного, презентабельного человека. И вдруг собаки какие-то, сюсюкающие хозяева. Вам это доставляет удовольствие, умиляет, расслабляет или вы гордитесь тем, что нашли себя в этой программе?

— Нашел. Это программа, за которую мне не стыдно. Я стараюсь делать свое телевидение — не коммерческое, не "чернушное", не разрушающее. Но понимаете, в чем дело? Со мной уже трижды происходит странная история. Первый раз я подумал: "Эта женщина сошла с ума", потом подумал, что я сошел с ума, а теперь я не знаю, что и думать.

— А в чем дело?

— Когда трижды на улице к вам подходят пожилые женщины, смотрят в глаза и говорят: "Гаф-гаф!", как бы вы реагировали? Я не идентифицирую себя с программой настолько, чтобы считать себя умиленным собаколюбом и чтобы в ответ на эти приветствия тоже отвечать "Гаф-гаф!". Всегда и везде, когда я прихожу в незнакомые компании, меня спрашивают: "А что же вы без собаки пришли?". Понимаете, я делаю еще массу телевизионных программ, не имеющих никакого отношения к собакам, мы с Архановым начинаем выпускать журнал — при чем тут собаки?

Похоже, в жизни вы такой же, что и на экране: очень серьезный, очень сдержанный и ироничный?

— Да, я такой. Я противник всяких показных вещей. Не люблю, когда люди умиляются, не люблю показные нежные отношения между мужчиной и женщиной. Вот эти все "лапочка", "кисочка" — как вилок по стеклу. Ничего не подделаешь: я серьезный, сдержанный, ироничный. Гены, наверное.

— Ваш папа прославился своим увлечением рыбалкой. Вы не заразились этим?

— Я с той же успешностью, что и папа, люблю ловить рыбу. Но обычно вокруг кто-то ловит огромных рыб, а у меня, кроме как карась или пескарь, ничего "не выуживается". Но я сутками могу сидеть с друзьями на рыбалке и пытаться ловить рыбу. Рыбалку ни с чем не сравнить: другая общность, мужская компания. И в этом — такое раскрепощение, такая истоность; это полный уход от всего насущного — только твое утро.

— У меня глупый вопрос, но очень интересно: вас на съемках собаки кусают?

— Пока — тьфу-тьфу-тьфу! Только таксы иногда брюки рвут.

Вика САРЫКИНА.
Фото Сергея ТЕТЕРИНА.

Мок. комсомолец — 1998. — 17 июня — с. 8

225